

Соб. заметки. - Таллинн - 1991 - 30 янв.

В минувшем году в Таллинне проходил второй международный фестиваль джаза. Спустя 23 года после первого. А на том, первом, привлек когда-то внимание саксофонист из Москвы Алексей Козлов. Прошедшие годы сделали его имя одним из самых популярных в отечественном джазе.

Совсем недавно мы снова получили возможность встретиться с творчеством Козлова, композитора и исполнителя, на спектакле «Джазмен», привезенном в Таллинн театральным агентством «Ардани». Тогда же состоялся и разговор с музыкантом.

— Сейчас, говоря о своей молодости, все вспоминают запреты, пинки со стороны власти имущих и большой радости при обращении к прошлому не испытывают.

— Почему же? Я с удовольствием вспоминаю о временах зажимов и борьбы. То была активная жизнь. По-моему, советские люди без запретов неинтересны. Сразу ощущаешь скуку и пустоту. Кстати, советские эмигранты, уезжа-

— Вы имеете в виду некую планку, ниже которой не хотят опускаться?

— Они сами себе запретили делать какие-то вещи. Не власти, не правительств — сами себе запретили. И это прекрасно. И есть не только у нас в России. Вот вчера подошел ко мне здесь парень: «Господин Козлов, возможно, вас заинтересует эта кассета». Он слышал, что в Москве существует вот этот слой добровольцев-

Литве, и нам так повезло, что они совпали с приездом туда Горбачева и его команды. Все концерты, разумеется, отменились, и мы были вынуждены сидеть в гостинице и сутками смотреть по телевизору трансляции бесед Горбачева и его спутников, Медведева, Ульянова, с хозяевами, слушать, как они убеждают литовцев дружить и оставаться частью Советского Союза. И вот мы сидим, проклиная все на свете, а вокруг демонстрации, возбуждение, толпы на улицах. При этом — вежливое доброжелательство, никаких проявлений агрессии, ни разу не увидел, чтобы кто-то посмотрел на нас неприязненно. И все же была обида: ну почему с нами, русскими, так обходятся из-за наших партийных вождей, почему дело кончается унизи-

держится там как джазмен. Остальные живут в большем или меньшем достатке, но джаз тут ни при чем. И это самое простое подтверждение, что наш джаз, и не только наш — европейский, там никого не интересует. Да и в Европе на обычных американцев не ходят, только на «звезд».

— Алексей Семенович, простите за нескромность, но ведь вы тоже не бедный человек?

— Сейчас не бедный. К 50-то годам. И свои деньги зарабатывал абсолютно честным путем. Не как исполнитель, к сожалению, а как композитор: музыка к фильмам, спектаклям. А всю свою огромную гастрольную жизнь получал копейки. Только авторство и поездки за рубеж. Приехал за

## Алексей КОЗЛОВ

# «НЕ МОГУ ЗАНИМАТЬСЯ ТЕМ, ЧТО МНЕ НЕ НРАВИТСЯ»

ющие на Запад, чувствуют это особенно остро. Бороться уже не нужно, остается только одно — зарабатывать деньги и проживать их с большей или меньшей степенью приятности. Потому многие наши соотечественники там вьются и в каком-то смысле живут просто мучительно. Думаю, это идет от нашей изуродованной системой психики, когда все время надо бороться, создавать себе трудности, преодолевать их. Так уж повелось, и потому те времена я действительно вспоминаю с удовольствием.

Мое диссидентство было скорее культурным, чем политическим, хоть и был риск попасть куда-нибудь. И все же рисковали мы только возможностью быть отлученными от того, что нам очень нравилось делать. Мы не имели возможности развиваться, общаться с настоящими американскими музыкантами, не могли слушать пластинки, которые хотелось бы слушать, и все в этом роде. То есть страдали профессионально. И когда с перестройкой появилась какая-то свобода, когда вышли наружу богатые, предприимчивые молодые люди, этикие нувориции, заказывающие музыку, культура сразу деградировала до уровня раке-тирства и кооперативных вкусов, а мы оказались, наоборот, как бы не у дел. Я, правда, нашел для себя некое подполье, собираю вокруг молодых ребят-концептуалистов, тех, на кого никто не давит, но кто и не нужен никому. Это довольно широкое добровольное подполье. Люди поставили себе внутренние запреты и страдают от этого по собственной воле.

подпольщиков, мучеников культурной совести.

Говоря о прежних временах, если вернуться к началу разговора, вспоминаешь их активность, энергию, азарт даже. Ведь в Таллинне московские и ленинградские джазовые группы стали бывать, начиная с 60-го года и встречались с первыми эстонскими джазменами, людьми, ставшими позже очень известными, с Райво Таммико, к примеру, и его ребятами, ушедшими потом на Запад. В те времена Эстония была для джаза «землей обетованной», мы сталкивались здесь с совсем иной культурой, с иным подходом и отношением к джазу. Жизнь сейчас пропитана политикой — никуда не деться от этого, поскольку самые насущные проблемы, начиная с еды и кончая культурой, полностью зависят от нее.

— И вам не хочется хоть на время от нее отключиться?

— У себя дома я так и делаю. У меня студия, музыкальный компьютер, я пишу музыку, которая называется «нью эйдж», это студийная музыка. Стараясь пристроить ее где-нибудь за границей, потому что в Союзе о музыке подобного рода пока не знают. Да и в Европе не знают, это чисто американское явление, музыка для нового поколения слушателей, которое здесь еще не сформировалось.

По правде говоря, мне сейчас не очень хотелось ехать в Таллинн, вообще куда-нибудь ехать, а в Прибалтику особенно. Последние гастроль «Арсенала» чуть больше года назад были в

Литве, и для нас пренебрежительно к нам. Уж лучше бы сгорблялись, а когда вежливо презирают — это несправедливо и обидно.

— В последнее время мы стали часто кивать на Запад, хорошим тоном стало говорить, что мы отстали от него на века и десятилетия и даже в области балета мы уже тоже не «впереди планеты всей». Это относится и к джазу, и можно ли тут отставать или быть впереди кого-то?

— Мы не отстаем, просто по сравнению с Америкой наш джаз находится на очень низком уровне. Я убедился в том, приехав в Америку и увидев, что там миллионы джазовых музыкантов, играющих на высочайшем уровне. Есть сотня «звезд» и тысячи, может быть, десятки тысяч отличнейших музыкантов, которые не могут подняться до уровня известности. Играют на улицах, в кафе, кинотеатрах, играют за мизерные деньги. Это одна из самых низкооплачиваемых профессий. Мощнейший музыкант получает всего 50 долларов за выступление в джазовом кафе. А за ним стоит огромная очередь претендентов такого же класса. И с нашим средним уровнем советскому джазмену пробиться там практически невозможно. Потому подавляющее большинство уехавших туда из Союза джазовых музыкантов зарабатывают себе на жизнь отнюдь не джазом. Бизнесом занимаются, чем-то другим, иногда поигрывают, но это превращается уже в хобби, а профессию приходится менять. Повезло только Валерию Пономареву, который поиграл с А. Блейки и

границу, и за суточные можешь купить компьютер или синтезатор, которые у нас стоят в сто раз дороже. Такая моя небедность. А сейчас я вообще ничего не зарабатываю, полностью завишу от заказов. Потому перспектива и колеблется от богатства до нищенства. И еще от социального землетрясения — как тряхнет, так и будет.

— В вашей биографии были запреты, подъемы, и первого было больше, чем второго. Вас никогда не подмывало бросить это странное джазовое дело?

— Нет... У меня ничего другого в жизни не было, хоть я и имел профессию архитектора, теоретика-дизайнера. Но там я сидел ради какого-то заработка, и как только появилась возможность зарабатывать джазом, это был 1976 год, я сразу все бросил, диссертацию бросил почти написанную, и ушел в джаз. Мне был уже 41 год, когда я ушел в профессиональное нищенство, в гастроль, и почти ничего не имел, кроме копеек. Но о возвращении к «нормальной жизни» не думал никогда. И тут нет никакой моей заслуги: просто не могу заниматься тем, что мне не нравится. Были попытки зарабатывать таким способом — не получилось, не смог. Я и у Саульского в биг-бэнде работал, и в ресторанах играл — нет, не складывалось, и я сбежал. Изнываю, если надо играть одно и то же. Игра на заданную тему не для меня. Каждый раз разное — это и специфика джаза, и, если хотите, — свойство души...

Вел беседу  
Н. КИРИЛЛОВ.